

J. CASANOVA
DE SEINGALT.

AUG. STUBERON

*Любовные и другие
приключения
Джакомо
Казановы,
рассказанные
им самим*

С иллюстрациями Огюста Леру

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Л 93

Giacomo Girolamo Casanova
HISTOIRE DE MA VIE

Перевод с французского Дамира Соловьева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрации Огюста Леру

Л 93 **Любовные** и другие приключения Джакомо Казановы, рассказанные им самим : мемуары / пер. с фр. Д. Соловьева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 816 с. : ил.

ISBN 978-5-389-28080-9

Джакомо Джироламо Казанова появился на свет в 1725 году в семье танцовщика и актрисы. Обладатель ученой степени в юриспруденции, военный, скрипач, автор немалого числа литературных произведений, в числе которых философски-фантастический роман «Икозамерон», трехтомный труд «История смуты в Польше» и «Перевод „Илиады“ рифмованной октавой», Казанова обрел вечную славу благодаря иным свершениям, известным нам из мемуаров, в которых он изложил историю своей жизни.

«Мемуары Джакомо Казановы, кавалера де Сенгальта, написанные им самим» были изданы впервые спустя четверть века после кончины автора, в 1822–1828 годах, в переводе на немецкий язык. Книгу ждал шумный успех, что поспособствовало публикации во Франции, а затем и в других странах. Приключения Казановы, в первую очередь любовные, обрели широкую известность, а имя его стало нарицательным.

В этой книге вниманию читателя представлены избранные фрагменты многотомной автобиографии «великого соблазнителя», а также знаменитые иллюстрации французского художника Огюста Леру (1871–1954), созданные для полного французского издания 1931–1932 годов и впервые публикуемые в России.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

© Д. В. Соловьев (наследник), перевод, 2025
© Л. А. Ворончихина, примечания, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28080-9

Предисловие

Я хочу предварить читателя, что все происшедшее со мной в течение жизни, хорошего или плохого, без сомнения, заслужено, и поэтому я могу считать себя человеком свободным.

В этих мемуарах читатель увидит, что я, никогда не стремившись к какой-либо определенной цели, если и следовал системе, то лишь такой, чтобы отдаваться на волю увлекавшего меня ветра. Сколь полна превратностями сия свобода! Мои радости и неудачи, испытанное добро и зло — все убедило меня, что в нашем мире, как духовном, так и материальном, из зла всегда следует добро и наоборот. Внимательный читатель поймет по моим заблуждениям, какие пути не следует выбирать, и постигнет великое искусство крепко держаться в седле. Нужна лишь смелость, ибо сила без уверенности бесполезна. Нередко судьба улыбалась мне после неосторожного поступка, который мог бы низвергнуть меня в пропасть. И напротив, умеренное и продиктованное благоразумием поведение часто приводило к несчастным последствиям.

Вас позабавит, когда вы узнаете, сколь часто я не останавливался перед тем, чтобы обманывать легковверных, жуликов и дураков, если мне это было необходимо. А в отношении женщин обман всегда взаимный и не идет в счет. Другое дело дураки. Я с удовольствием вспоминаю, как они попадались ко мне в сети. Их наглость и высокомерие оскорбляют здравый рассудок, и, когда обманывают дурака, разум оказывается отмщенным. Поэтому я полагаю, что обманувший дурака заслуживает лишь похвалы. Я далек от того, чтобы смешивать дураков с людьми, которых называют простаками. Они такие по недостатку образования, и я не желаю им зла. Многие из них отличаются безупречной честностью и прямотоушием. Можно сказать, что это глаза, затянутые катарактой, которые без нее были бы прекрасны.

В 1797 году, семидесяти двух лет, когда я могу уже сказать «прожил», хотя еще и продолжаю существовать, мне было бы затруднительно придумать более приятное развлечение, чем занять себя своими собственными делами.

Вспоминая о прошлых радостях, я повторяю их и переживаю во второй раз. А неприятности и несчастья вызывают у меня лишь улыбку — их я уже не чувствую.

Мне были свойственны все темпераменты последовательно: слезливый — в младенчестве, сангвинический — в молодости, потом раздражительный и, наконец, меланхолический, с которым, возможно, я и останусь. Всегда я согласовывал пищу со своей конституцией и поэтому пользовался отменным здоровьем. Рано познав, что на него больше всего влияют излишества, как в еде, так и в воздержании, стал я своим собственным лекарем. Здесь уместно заметить, что излишества в воздержании много страшнее излишеств в неумеренности, потому что последние дают несварение, а первые — смерть.

Теперь я старик и, несмотря на крепость моего желудка, вынужден есть один раз в день. Но в этом меня вознаграждают легкость пера и сладкий сон. Сангвинический темперамент сделал меня весьма подверженным чарам сладострастия. Я всегда был расположен менять одно наслаждение на другое и отличался в этом отменной изобретательностью. Отсюда, несомненно, происходила и моя склонность завязывать новые знакомства, и величайшая легкость, с которой я порывал их, всегда, однако, понимая причину этого и никогда не руководствуясь здесь чистым легкомыслием.

Чувственные наслаждения постоянно были моим главным и самым важным занятием. Я не сомневался, что создан для прекрасного пола, всегда любил оный и старался по мере возможного заставить полюбить и себя. Кроме того, я обожал хороший стол и со страстью интересовался всем, что возбуждало мое любопытство.

Я имел друзей, делавших мне добро, и пользовался любой возможностью доказать им мою благодарность. Но были и отвратительные враги, преследовавшие меня, которых я не уничтожил только потому, что это оставалось вне моих сил. Я никогда бы не простил им, если бы не забвение всего испытанного зла. Человек, забывающий обиды, на самом деле не прощает. Он просто не помнит их. Потому что прощение есть чувство героическое, свойственное благородному сердцу и великодушному уму, а забвение происходит от слабости памяти или беззаботности спокойной души и нередко лишь от желания покоя.

Я счел бы себя виновным, если бы обладал сегодня состоянием. Но у меня нет ничего, я все истратил, это утешает и оправдывает меня. Если покажется иногда, что я описываю слишком подробно некоторые любовные сцены, не следует вменять мне это в вину, кроме тех случаев, когда перо мое недостаточно искусно. Ведь у моей старой души нет других наслаждений, как радоваться одним только воспоминаниям.

I

Мои предки и моя семья

Дон Якопо Казанова, рожденный в Сарагоссе, столице Арагона, был побочным сыном дона Франциско и в 1428 году похитил из монастыря донну Анну Палафокс, как раз на следующий день после принятия ею монашеского обета. Дон Якопо состоял секретарем короля дона Альфонсо. Он бежал с монахиней в Рим, где после года тюрьмы папа Мартин III¹ дал Анне разрешение от обета и по ходатайству дона Хуана Казановы, дяди дона Якопо и распорядителя святейшего дворца, благословил их союз. Все дети от сего брака умерли в раннем возрасте, исключая дона Хуана, который в 1475 году взял себе в жены донну Элеонору Альбини, от коей имел одного сына по имени Марк Антонио.

В 1481 году дон Хуан убил неаполитанского офицера и был принужден покинуть Рим, укрывшись в Комо с женой и сыном, но в поисках удачи уехал и оттуда. Он умер во время путешествия с Христофором Колумбом в 1493 году.

Что касается Марка Антонио, то он сделался изрядным поэтом в духе Марциала и служил секретарем у кардинала Помпео Колонны. Из-за сатиры на Джулио Медичи он был вынужден оставить Рим и возвратиться в Комо, где женился на Абондии Реззоники.

Тот же Джулио Медичи, сделавшись папой под именем Климента VII, простил его и возвратил в Рим. В 1526 году сей город был взят

---

¹ Возможно, имеется в виду папа Мартин V. Потомкам остается только догадываться, насколько правдива приведенная здесь родословная.

и разграблен императорским войском¹, а Марк Антонио умер от чумы. Впрочем, не случись сей напасти, он все равно отправился бы на тот свет по причине разорения, так как солдаты Карла V забрали все принадлежавшее ему имущество.

Через три месяца после его смерти вдова произвела на свет Джакомо Казанову, который умер во Франции в глубокой старости полковником армии Фарнезе, сражавшегося против Генриха, короля Наваррского, ставшего потом королем Франции. Он оставил в Парме сына, женившегося на Терезе Конти, у которой родился Джакомо, взявший в 1680 году в жены Анну Роли. Джакомо имел двух сыновей, Джованни Батисту и Гаэтано Джузеппе Джакомо. Старший выехал из Пармы в 1712 году и более не возвращался. Младший через три года также покинул свое семейство в возрасте восемнадцати лет.

Вот то, что я нашел в капитулярии² моего отца. Все остальное, о чем я собираюсь рассказать, мне стало известно от матери.

Гаэтано Джузеппе Джакомо покинул отчий дом, увлеченный прелестями некой актрисы по имени Фраголетта. Влюбленному нечем было жить, и он решился зарабатывать хлеб собственной персоной, для чего занялся танцами, а через пять лет уже играл в комедиях, отличаясь, впрочем, скорее своим благонравием, нежели талантом.

То ли вследствие непостоянства, то ли по причине ревности он оставил Фраголетту и поступил в труппу венецианских комедиантов, игравших в театре Св. Самюэля. Напротив дома, где он обитал, жил башмачник по имени Джеронимо Фаруси вместе со своей женой Марией и единственной дочерью Занеттой, необыкновенной красавицей шестнадцати лет. Молодой комедиант влюбился в сию девицу и сумел уговорить ее дать себя похитить. Это представлялось единственным средством, поелику, будучи актером, он никогда бы не получил согласия Марии, не говоря уже о самом Джеронимо, ибо в их глазах ничто не могло быть хуже ремесла лицедея. Юные любовники, запасшись нужными бумагами и в сопровождении двух свидетелей, предстали перед венецианским патриархом, который и дал им брачное благословение. Мать Занетты была безутешна, а отец умер с горя. От сего союза я и родился через девять месяцев, именно 2 апреля 1725 года.

---

¹ Вероятно, речь идет о разграблении Рима войсками императора Карла V (согласно историческим источникам, оно произошло в 1527 году). — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

² *Капитулярий* (от лат. *capitula* — «глава») — в средневековой Европе законодательные и административные акты, разделенные на главы. *Здесь: документы.*

В следующем году матушка оставила меня на руках бабки — эта последняя простила ей, узнав, что муж обещал никогда не принуждать Занетту идти на подмостки. Комедианты всегда дают подобные обещания дочерям горожан, на которых женятся, и никогда не держат свое слово, поскольку сами жены того и не требуют. А матери моей изрядно посчастливилось научиться играть в комедиях, ибо в противном случае, когда через девять лет она осталась вдовой, у нее не было бы средств воспитывать шестерых своих детей.

Итак, мне был год, когда отец оставил меня в Венеции и отправился на лондонские подмостки. Именно в сем великом городе мать моя впервые вышла на сцену, и там же в 1727 году она разрешилась моим братом Франческо, знаменитым живописцем баталий, который с 1783 года живет и исправляет сию должность в Вене.

К концу 1728 года матушка возвратилась с отцом в Венецию, а поелику она сделалась комедианткой, то и продолжала заниматься своим ремеслом.

Еще через два года она произвела на свет моего брата Джованни, скончавшегося в Дрездене директором Академии живописи. За три последующих года она сделалась матерью двух дочерей, одна из которых умерла в раннем возрасте, а другая вышла замуж в Дрездене, где и жила еще в 1798 году. У меня был и третий брат, родившийся после смерти отца; он скончался пятнадцать лет назад в Риме.

Отец мой покинул этот мир в расцвете жизни. Хотя ему было всего тридцать шесть лет, он сошел в могилу, сопровождаемый сожалениями общества, и особливо знатных особ, кои ценили его выше занимаемого им положения, как благодаря образцовой нравственности, так и по причине его познаний в механике.

II

Годы детства в Падуе

1734–1739

Всие печальное время мать моя была беременна на шестом месяце, а потому не могла появляться на подмостках до конца пасхальных праздников. Несмотря на свою молодость и красоту, она отказывала всем, кто искал ее руки, и, поручив себя Провидению, надеялась воспитать нас собственными средствами.

Прежде всего она посчитала необходимым заняться мною, и отнюдь не по особливому расположению, а вследствие моей болезни, из-за которой никак не могли понять, что со мной делать. Я был очень слаб, совершенно лишен аппетита, ничем не умел занять себя и с виду казался совсем бессмысленным. Врачи не могли согласиться о причине моего недуга. Каждую неделю, говорили они, он теряет два фунта¹ крови из имеющихся шестнадцати или восемнадцати. Откуда же берется столь обильное кровотечение?

Синьор Баффо, большой приятель моего покойного отца, обратился к знаменитому падуанскому врачу Макопу, который прислал ему свой диагноз в письменном виде. В этом документе, сохраняющемся у меня до сего времени, говорилось, что кровь человека есть эластическая жидкость, способная увеличивать и уменьшать свою густоту, и мое кровотечение происходит по причине именно чрезмерной густоты.

---

¹ *Фунт* (от лат. *pondus* — «вес, гиря») — единица измерения массы, равная приблизительно 450 г, в разных европейских странах имела свои значения.

Он заключал, что это может быть порождено лишь вдыхаемым мною воздухом, а посему следует или же увезти меня, или готовиться к вечной разлуке. Согласно его мнению, тупость на моем лице также объясняется густотой крови.

По получении сего оракула аббат Гримани взялся найти для меня подходящий пансион в Падуе при посредстве одного знакомого химика, жившего в этом городе. Последний назывался Оттавиани и был, кроме всего прочего, еще и антикварием¹. За несколько дней пансион отыскался, и 2 апреля 1734 года, в день, когда мне исполнилось девять лет, меня отвезли на барке по Brentскому каналу в Падую.

Мы приехали в ранний час и явились к Оттавиани, жена которого осыпала меня ласками. Он сразу же повел нас в тот дом, не далее чем в пятидесяти шагах, где я должен был остаться на пансионе у старухи-словенки. Перед нею открыли мой маленький сундучок и перебрали все его содержимое, после чего отсчитали шесть цехинов² — плату за полгода вперед. Из этих денег она должна была кормить меня, содержать в чистоте и платить учителю; жалобы ее, что на все никак не хватит, остались без внимания. Меня расцеловали, велели беспрекословно слушаться и покинули. Вот так избавились от забот о моей персоне.

Как только мы оказались одни, словенка повела меня на чердак и указала мою кровать среди четырех других. Три из них принадлежали мальчикам моего возраста, которые в то время были в школе, а четвертая — служанке, присматривавшей за ними. Потом хозяйка показала мне сад и оставила гулять там до обеденного часа.

Я не испытывал ни радости, ни печали и не чувствовал даже ни малейшего любопытства. Меня ужасала сама хозяйка — не имея никакого представления ни о красоте, ни о безобразии, я не мог преодолеть отвращения при виде ее лица, всей наружности и манеры разговаривать. Она была высокой и плотной, как солдат, с желтой кожей, черными волосами и украшенным заметной растительностью подбородком. Безобразная и наполовину открытая грудь, свисавшая почти до пояса, завершала сей портрет. Ей было, наверное, лет пятьдесят.

То, что называлось садом, представляло квадрат тридцать на сорок шагов, в коем глаз не встречал ничего приятного, кроме зелени.

---

¹ *Антиквариий* (лат. antiquarius) — человек, занимающийся изучением предметов древности.

² *Цехин* (ит. zecchino, от zecca — «монетный двор») — золотая монета, чеканившаяся в Венеции с 1280-х годов до упразднения Венецианской республики в 1797 году.

К полудню явились трое моих товарищей и, словно мы были уже давно знакомы, стали рассказывать о множестве всяких предметов, почитая само собой разумеющимся то, о чем у меня не было ни малейшего представления. Я ничего не отвечал им, но это никого не обескуражило, и под конец меня принудили разделить их невинные забавы. Я с готовностью согласился бегать, ездить друг на друге и кувыркаться. Потом нас позвали обедать. Я уселся за стол, но, видя перед собой деревянную ложку, отбросил ее и потребовал свой серебряный прибор, который очень любил как подарок своей доброй бабки. Служанка возразила мне, что у хозяйки заведено для нас все одинаковое; я должен был подчиниться сему обычаю и принялся есть суп, удивляясь, что моим товарищам разрешают поглощать его с такой поспешностью. После этого весьма дурного супа нам дали по маленькому кусочку трески — день был постный, — потом по яблоку, и обед закончился. На столе не было ни чашек, ни стаканов, и все прикладывались к одной глиняной кружке с отвратительным пойлом, приготовлявшимся из очищенного винограда и горячей воды. В следующие дни я пил только чистую воду. Подобный стол поразил меня, хоть я и не понимал, можно ли считать его плохим.

После обеда служанка отвела меня в школу к молодому священнику доктору Гоцци, с которым словенка сговорилась на сорока су¹ в месяц, то есть одиннадцатую часть цехина. Меня надо было учить письму, и я попал к шестилетним детям, тут же принявшимся смеяться надо мной.

По возвращении к словенке мне дали ужин, оказавшийся еще хуже обеда. Я был удивлен, что на мои жалобы никто не обратил внимания.

Меня уложили в постель, где известные всем насекомые трех разновидностей не давали даже сомкнуть глаз. К тому же крысы, бегавшие по всему чердаку и забиравшиеся на кровати, заставляли меня леденеть от ужаса.

Пожиравшие мое тело паразиты несколько умеряли страх перед крысами, который, в свой черед, отвлекал меня от укусов. Что касается служанки, то она не обращала никакого внимания на мои крики.

С первыми же лучами солнца я покинул сие отвратительное ложе и, пожаловавшись служанке на перенесенные тяготы, попросил у нее другую рубашку, так как на мою было страшно смотреть. Она же отвечала, что перемену делают только по воскресеньям, а мои угрозы пожаловаться хозяйке лишь рассмешили ее.

---

¹ Су (*фр.* sou) — французская монета второй половины XIII–XVIII века, сначала золотая, затем серебряная и медная.

Впервые в жизни я плакал от огорчения и злости. В школе я все утро спал, и один из моих товарищей сказал учителю о причине сего, желая посмеяться надо мной. Но ниспосланный самим Провидением добрый священник отвел меня к себе в комнату и, удостоверившись собственными глазами в правдивости моего рассказа, тут же пошел со мной в пансион и указал ведьме на покрывавшие мою кожу волдыри. Изобразив удивление, та обвинила во всем служанку. Священник пожелал осмотреть мою постель, и я не менее, чем он, был поражен нечистотой белья, на котором провел ночь. Проклятая баба твердила свое, присовокупляя угрозы прогнать девушку, но когда сия последняя через недолгое время появилась, то не пожелала терпеть таковых обвинений и заявила, что виновата сама хозяйка. При этом она открыла постели моих товарищей, и мы могли убедиться, что с ними обходились ничуть не лучше. Обозлившаяся хозяйка влепила ей пощечину, но служанка не осталась в долгу, после чего спаслась бегством. Учитель ушел, сказав, что не примет меня в школу, если я не буду таким же опрятным, как и остальные ученики. А на мою долю осталась брань и угрозы выставить меня за дверь, если подобная история повторится.

Учитель взял на себя особливую заботу о моем образовании. Он даже усадил меня за свой стол, и я, дабы доказать, что чувствителен к сему отличию, изо всех сил принялся учиться и уже через месяц писал настолько хорошо, что мне велено было приниматься за грамматику.

Новый образ жизни, неутихающие муки голода и прежде всего, конечно, падуанский воздух доставили мне здоровье, о котором ранее я не смел и помышлять. Но это же здоровье еще более усиливало претерпеваемый мною голод, становившийся совсем непереносимым. Я рос на глазах, непробудно спал по девять часов и всегда видел один и тот же сон: будто я сижу за столом, уставленным кушаньями, и насыщаюсь. А наутро приходилось убеждаться, сколь разочаровывают сладкие сны. Сей всепожирающий голод совсем извел бы меня, если бы не принялся я похищать и поедать все, что только можно было найти и взять, когда никто не видит.

Нужда делает изобретательным. Я заметил в кухонном шкафу штук пятьдесят копченых селедок и понемногу съел их все, равно как и подвешенные у дымохода колбасы. Для этого я вставал ночью и тихонько прокрадывался на кухню. Самым большим лакомством для меня были только что снесенные яйца, которые я таскал еще теплыми из птичника. Я занимался грабительством даже в кухне моего учителя.

Словенка, отчаявшаяся изловить вора, стала прогонять прислугу. Все же случай стащить что-нибудь представлялся далеко не всегда, и поэтому я был тощей словно скелет.

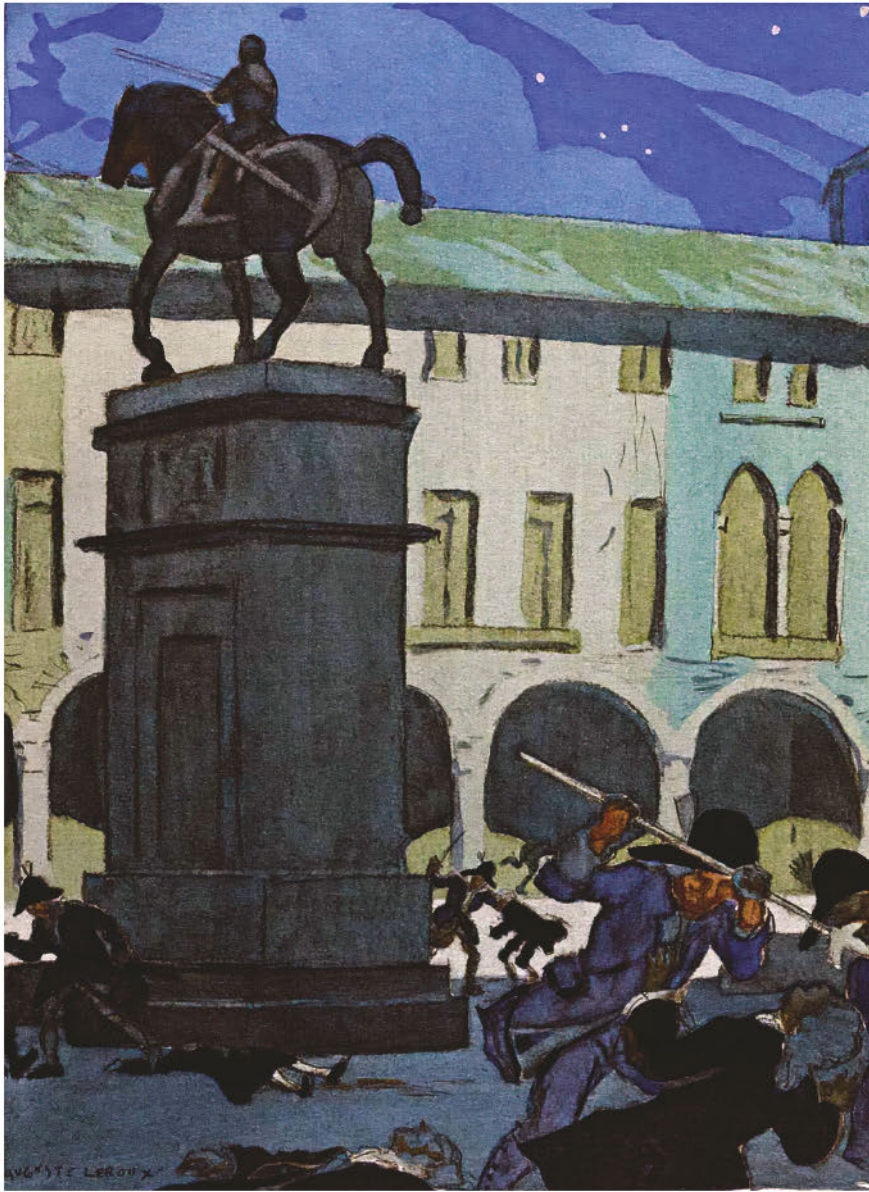
За пять-шесть месяцев я сделал такие успехи, что учитель назначил меня старостой школы. В мои обязанности входило проверять уроки тридцати учеников, исправлять в них ошибки и подавать учителю с похвальным или порицательным отзывом. Однако же лентяи быстро нашли способ смягчить меня. Когда в их латыни обнаруживались ошибки, они покупали мою снисходительность жареными котлетами, а иногда и деньгами. В скором времени я уже не довольствовался контрибуцией¹ с невежд и, как истинный тиран, отказывал в своем благоволении каждому, кто не сумел задобрить меня. Не в силах сносить долее мою несправедливость, они пожаловались учителю. Я был уличен и низвергнут. Несомненно, это падение принесло бы для меня большие беды, если бы судьба не положила вскоре конец моему первоначальному искусству.

Учитель все-таки любил меня и однажды, приведя в свою комнату, спросил, не хочу ли я последовать некоторым его советам, дабы распоститься с пансионом словенки и перейти к нему в дом. Видя восторг, вызванный сим предложением, он дал мне переписать три письма, кои я должен был отослать аббату Гримани, моему благожелателю синьору Баффо и доброй моей бабке. В этих письмах я описывал все свои страдания, изображая неизбежность смерти, если не возьмут меня от словенки и не поместят к моему учителю, который, однако, желает иметь два цехина в месяц.

Синьор Гримани даже не удостоил меня ответом и лишь велел другу своему Оттавиани выговорить мне за то, что я дал совратить себя с правильного пути. Однако синьор Баффо поговорил с моей бабкой и в письме сообщил мне, что в скором времени я могу надеяться на перемену. Так оно и вышло — через неделю, как раз в ту минуту, когда я садился обедать, появилась моя добрейшая бабка. Она вошла вместе с хозяйкой, и едва я завидел ее, как тут же бросился ей на шею, обливаясь слезами. Она села и поставила меня меж колен, уже одним присутствием сообщив мне спокойствие и уверенность. Тут же при самой словенке я перечислил ей все свои злключения и, указав на нищенский стол, который составлял единственное мое пропитание, отвел ее к своей постели. Закончил я просьбой накормить меня настоящим обедом после шести месяцев голодного существования. Сама словенка только

---

¹ *Контрибуция* (лат. *contributio*) — суммы, которые побежденное государство по условиям мирного договора уплачивает государству-победителю. Здесь: дань.

твердила, что не может доставить ничего лучшего за те деньги, которые ей платят. Это была сущая правда, но кто принуждал ее держать пансион и быть мучительницей детей, коих родительская скарденность оставляла на ее попечение?

Моя бабка с совершенным спокойствием объявила ей, что намеревается забрать меня, и велела уложить в сундучок все мои пожитки. Я с восторгом увидел свой серебряный прибор и, схватив его, поспешил спрятать в карман. Радость моя при виде всех сих приготовлений не поддается описанию. Впервые в жизни почувствовал я то удовлетворение, которое заставляет все простить и изгладить из памяти.

Бабка отвела меня в гостиницу, где остановилась, и мы сели обедать. Впрочем, сама она ни к чему не притрагивалась — столь поразила ее та жадность, с которой я набросился на еду. Тем временем явился предупреденный уже доктор Гоцци, достойные манеры которого сразу расположили бабку в его пользу. Сей благообразный священник двадцати шести лет от роду отличался дородностью, скромным обращением и услужливостью. За четверть часа все было договорено. Добрая моя бабка отсчитала ему двадцать четыре цехина за год вперед и получила в том квитанцию. Однако же она продержала меня еще три дня, дабы нарядить в одеяния аббата и заготовить парик, так как вследствие нечистоплотности мне пришлось обрезать волосы.

По прошествии трех дней она пожелала самолично водворить меня к доктору Гоцци и просить его мать позаботиться обо мне. Сия последняя сначала потребовала, чтобы для меня прислали или купили кровать, но доктор возразил, что я могу спать вместе с ним, так как постель его достаточно вместительна. Бабка поблагодарила его, после чего мы пошли проводить ее к барке, на которой она отправлялась обратно в Венецию. Семейство доктора Гоцци состояло из его матери, относившейся к нему с большим почтением, поскольку родилась она простой крестьянкой и не считала себя достойной иметь сына-священника; она была стара, безобразна и сварлива; отца, башмачника, который работал целыми днями и не говорил никому ни слова, даже за столом. Лишь по праздникам он становился общительнее, так как в эти дни неизменно посещал питейное заведение в компании приятелей и возвращался лишь к полуночи, едва держась на ногах и распевая стихи Тассо. В сем состоянии старик никак не мог улечься, а когда его пытались принудить к тому, свирепел. Трезвый, он был совершенно лишен рассудительности и не мог говорить даже о самом пустячном семейном деле. Жена его говаривала, что он никогда бы не женился на ней, если бы перед тем, как идти в церковь, его не угостили добрым завтраком.

Доктор Гоцци имел также сестру, юную девицу по имени Беттина. Она была веселая, красивая и великая охотница до чтения романов. Отец с матерью непрестанно бранили ее за то, что слишком много времени проводила она у окна, а доктор не одобрял пристрастия сестры к чтению. Сия девица сразу же приглянулась мне, хотя я и не понимал причину этого. Именно тогда мало-помалу возгорелись в моем сердце первые искры той страсти, которая впоследствии сделалась у меня господствующей.

Через шесть месяцев после моего водворения в этом доме доктор оказался без учеников — все они перестали ходить к нему, так как я сделался единственным предметом его привязанности. По причине сего решил он открыть небольшую школу с пансионом, однако прошло два года, прежде чем таковой замысел смог осуществиться, а тем временем он передал мне все свои познания, которые, по правде говоря, были весьма скромными. Впрочем, и этого оказалось достаточно, чтобы познакомить меня со всеми науками. Кроме того, я выучился у него играть на скрипке, чем был принужден воспользоваться при обстоятельствах, о которых читатель узнает в своем месте. Добрый доктор Гоцци, не обладая глубиной ни в каком предмете, преподавал мне логику перипатетиков и космографию по древней системе Птолемея, над коей я непрестанно подсмеивался и выводил его из себя вопросами, на которые он не знал, что ответить. Зато его нравственность была безупречна, а в религии, не будучи ханжой, он отличался величайшей строгостью. Все для него основывалось на вере, и ничто не смущало его разум: потоп был всемирным, люди до сей катастрофы жили по тысяче лет и Бог имел обыкновение беседовать с ними; Ной строил ковчег сто лет, а Земля, созданная Богом из ничего, находится в центре Вселенной. Когда я пытался убедить его, что существование ничто абсурдно, он обрывал меня и называл глупцом.

Любил он покойную постель, полуштоф¹ и семейное веселье. Его не привлекали ни острое словцо, ни проницательный ум, ни тем более скептицизм, столь легко обращающийся в злословие, и он смеялся над глупостью тех, кто проводит время за чтением газет, которые, по его мнению, всегда лгут и повторяют одно и то же. Он говорил, что нет ничего обременительнее неопределенности, и по сей причине не одобрял ни в ком собственного мнения, порождающего колебания веры.

---

¹ *Полуштоф* (от нем. Stof — «большой бокал, чаша») — единица измерения объема жидкости, равная $\frac{1}{2}$ штофа, то есть примерно 0,6 л; использовалась преимущественно в трактирах для измерения количества вина и водки. Здесь: бутылка крепкого напитка.

Его любимым занятием было произносить проповеди, чему способствовали благообразие лица и выразительность голоса. Слушать его приходили только женщины, в которых тем не менее он видел заклятых врагов; а когда ему приходилось разговаривать с какой-нибудь из них, он никогда не смотрел ей в лицо. Плотский грех он почитал наипачайшим среди всех других. Проповеди у него были наполнены изречениями греческих авторов, которых он переводил на латынь. Однажды, когда я осмелился сказать ему, что переводить надо на итальянский, так как прихожанки одинаково не понимают ни латыни, ни греческого, он рассердился настолько сильно, что я уже не решался более заговаривать о сем предмете. Впрочем, он похвалялся мною перед своими друзьями как настоящим чудом, поскольку я сам научился читать по-гречески с помощью одной лишь грамматики.

На Великий пост 1736 года матушка моя в письме сообщила доктору, что, собираясь скоро отправиться в Петербург, желала бы повидать меня и поэтому просит его приехать вместе со мной на три или четыре дня в Венецию. Сие приглашение немало смутило моего учителя, ибо он никогда не видывал ни Венеции, ни хорошего общества, но тем не менее не хотел показаться совершенным профаном. После некоторых колебаний мы собрались ехать, и все семейство проводило нас на барку.

Матушка приняла его с самой благородной непринужденностью, а поскольку она была хороша собой как ясный день, мой бедный учитель сильно засмутился и не осмеливался даже смотреть в ее сторону, хотя и должен был отвечать на вопросы. Что касается меня, то я привлекал внимание всех окружающих, да оно и неудивительно — почитая меня чуть ли не слабоумным, они поражались, насколько я выправился за эти два года. Доктор был весьма доволен, видя, что заслугу в сей метаморфозе относят исключительно на его счет.

Однако же матушку неприятно поразил мой белый парик, который вопиял на моем смуглом лице, являя жестокое несогласие с темными глазами и ресницами. Доктор, спрошенный, почему мне не причесывают собственные волосы, отвечал, что с париком его сестре легче содержать меня в чистоте. Этот наивный ответ вызвал общий смех, усилившийся еще более, когда на вопрос, замужем ли его сестра, я вмешался в разговор и отвечал, что Беттина — самая красивая девушка во всем квартале, но для замужества еще слишком молода. Матушка пообещала доктору сделать его сестре хороший подарок, но при условии, что меня будут причесывать без парика. Он обещал непременно исполнить ее желание. Затем матушка велела позвать парикмахера, который принес подходящий для меня парик.

*Любовные и другие приключения
Ожакомо Казановы,
рассказанные им самим*

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Людмила Ворончихина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Подготовка иллюстраций Егора Саламашенко, Дмитрия Кабакова
Корректоры Светлана Федорова, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.07.2025.
Формат издания 72 × 100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 67,83. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

